

Чэн Хао, выходя на улицу, обычно занимался своими делами, редко разговаривая. Услышав, как Лян Цзинь вежливо представлял их лоток, он поднял голову и улыбнулся.

Лян Цзинь с легкой долей ревности щелкнул языком.

Женщина не решалась сесть и поесть, взяла только вареное яйцо.

Чэн Хао же достал булочку, разрезал ее пополам, положил внутрь яйцо, мелко нарезал его, полил соусом и протянул ей:

— В следующий раз попробуйте лапшу, она еще вкуснее.

Лян Цзинь пригласил только трех человек, в первый день открытия было бы неловко, если бы никто не пришел. Но как только началось, посетителей стало больше. Чэн Хао не только хорошо готовил, но и не скупился на ингредиенты, и внешний вид блюд вызывал аппетит.

Жители Цинъюаня любили острое, и Чэн Хао поливал перец горячим маслом, чтобы усилить аромат. Вскоре все, что он приготовил, было распродано.

Лян Цзинь, слыша, как люди хвалят их, был рад и громко объявил:

— Извините, сегодня мы закрываемся, приходите завтра пораньше.

Чэн Хао и Лян Цзинь вместе убирали лоток, разговаривая плечом к плечу:

— Если бы я знал, что бизнес так пойдет, я бы приготовил больше.

Лян Цзинь ответил:

— Давай увеличивать постепенно, не стоит сразу перегружать себя, будем учиться по ходу дела. Старик продал мне всю свою мебель, через пару дней они переезжают, и ты сможешь перенести все туда. Дорога из нашей деревни сюда занимает слишком много времени.

Чэн Хао согласился, не церемонясь.

Лян Цзинь увидел, как матушка Лян собирает бобы, и с улыбкой подошел к ней:

— Мама, дела идут хорошо... Что с тобой? Твое лицо...

Матушка Лян уклонилась, не давая ему посмотреть, но даже сквозь волосы были видны две четкие царапины, которые не заметил бы только слепой.

Лян Цзинь отпустил ее и направился внутрь, но матушка Лян остановила его:

— Не ходи, тебе, как младшему, не стоит с ними спорить. В конце концов, я тоже злая, я не проиграла, у нее тоже есть царапины.

Лян Цзинь нахмурился:

— Мама, я хотел поговорить с тобой позже, но ладно... Я купил дом недалеко от города, может, ты переедешь туда? Это наше собственное место, мебель есть, и там просторнее, не нужно с ними ссориться.

Матушка Лян сжала губы:

— А ты?

Лян Цзинь твердо сказал:

— Я не уйду, я жил здесь больше десяти лет, это мой дом, и никто меня отсюда не выгонит.

Когда Лян Цзинь умер, ему было всего девятнадцать, возраст, полный юношеского задора. Заставить его спокойно терпеть все, что делают старики, было совершенно невозможно. Возродившийся Лян Цзинь мечтал дать им хорошего пинка, чтобы на душе стало легче. Ему нравилось жить в этом маленьком домике, ухаживать за отцом, зажигать ему сигарету и благовония, ставить тарелки, а если не спалось, поговорить с ним. Такая жизнь была ему по душе.

Матушка Лян улыбнулась, протянула ему инструмент и, выпрямившись, сказала:

— Пойди, переверни бобы внизу, они не просушены, могут заплесневеть. Я схожу к врачу за пластырем. Мой сын такой сильный, чего мне их бояться? Не могу опозорить своего сына.

Лян Цзинь с удивлением посмотрел на матушку Лян, хотел что-то сказать, но она перебила:

— Ладно, сначала работа, поговорим за едой.

Но Лян Цзинь не мог смириться с этим. Когда матушка ушла, он бросил грабли и направился в главный дом.

В доме бабушка Лян лежала на кровати, тяжело дыша, и, увидев Лян Цзиня, схватила что-то под рукой и швырнула в него:

— Проклятый, еще смеешь показываться? Ты с ума сошел? Вместе с матерью издеваешься над старухой? Хуайминь, открой глаза, посмотри, какой у тебя сын и невестка, они хотят меня убить!

Лян Цзинь быстро уклонился, а тетя, сидевшая рядом, смотрела на него с укором:

— Вы совсем нас не щадите, бабушка старая, как она выдержит твою мать? Посмотри, как она ее поцарапала?

Лян Цзинь усмехнулся:

— Бабушка не проиграла, только немного поцарапалась, крови даже нет, почему она лежит на кровати, как будто не может двигаться? Все в деревне знают, что она крепкая, бодрая, и в своем возрасте никогда не проигрывает. Но я должен заранее предупредить бабушку, если она переступит границу, то не винить меня, внука, если я буду с ней строг.

Бабушка Лян разозлилась еще больше:

— Ты возомнил себя героем?

— Через несколько месяцев мне исполнится шестнадцать, я стану старше и должен вести себя как мужчина, иначе отец не сможет рассчитывать, что я позабочусь о маме.

— Ты хочешь порвать со мной, старухой? Хорошо, в семье Ляней нет такого потомка, забирай свою мать и уберите, но оставь вещи Хуайминя.

Лян Цзинь улыбнулся еще шире. Он окончательно разозлил старуху, и это было самое искреннее признание.

— Даже если ты пойдешь в суд, вряд ли ты выиграешь. Тетя, скажи, разве не так? Ты ведь главная в семье, нам все равно, если будет скандал, тебе будет стыдно. Кстати, на днях я видел дядю...

Лян Хуайюй напряглась, холодно глядя на Лян Цзиня. В последние дни она тоже замечала, что с Дуншэном что-то не так. Женская интуиция подсказывала ей неладное, но без доказательств она не могла ничего сказать, хотя в душе остался неприятный осадок. Услышав, как Лян Цзинь заговорил об этом, она поняла, что он, должно быть, что-то знает.

Она повернулась к бабушке Лян и успокоила ее:

— Мама, не разжигай конфликт, хотя они неправы, но в конце концов, это его мать, она его вырастила, и если он останется равнодушным, это будет неправильно. Лян Цзинь, иди за мной, мне нужно с тобой поговорить.

Лян Цзинь слегка улыбнулся и последовал за ней, остановившись под деревом, опустив голову, изображая послушание.

Лян Хуайюй не могла понять этого ребенка, боялся он ее или нет?

— Что ты видел с твоим дядей?

Лян Цзинь открыл рот, но потом заколебался:

— Тетя Хуайпин запретила мне говорить... Тётя!

Лян Хуайпин сейчас снимала дом в деревне, услышав, что мать и невестка поссорились, но была занята делами и опоздала. Только войдя, она услышала, как Лян Цзинь, этот негодяй, выдал ее.

Лян Хуайсю смущенно посмотрела на старшую сестру, запинаясь, сказала:

— Я слышала, что дома что-то случилось, и пришла посмотреть. Лян Цзинь опять что-то замышляет? Не ври! — она многозначительно посмотрела на Лян Цзиня.

Лян Цзинь просто проигнорировал ее, услышав, что тетя хочет правды, он выпалил:

— Я видел, как дядя выходил из гостиницы с женщиной, которая выглядела как ведьма! Тетя, она была молодая!

Он специально подчеркнул слово «молодая». Теперь, без оков общества, он мог жить, как хотел, и даже если его назовут смутьяном, какая разница?

Гора в сердце Лян Хуайюй рухнула, перед глазами потемнело, она едва устояла на ногах, ее красные глаза пристально смотрели на младшую сестру, и она холодно усмехнулась:

— Ты знала, почему не сказала мне?

Лян Хуайпин торопливо ответила:

— Я боялась, что ты расстроишься! К тому же, как я могла тебе такое сказать? Если бы ты мне

не поверила, я бы стала клеветницей. Вы бы поссорились, а потом помирились, а я осталась бы виноватой. Разве не так? Если бы ты не собиралась с ним жить, я бы первой пошла с ним разбираться, но ты сможешь? Чуньянь и Сяоянь уже не маленькие, ты сейчас с ним разведешься? Возможно ли это?

Лян Цзинь равнодушно стоял, кривя губы:

— Почему тетя не научилась у бабушки? Посмотри, все мужчины в семье как шестерки, куда указывают, туда и идут. Я пошел.

В деревне был обычай, что вышедшая замуж женщина не должна вмешиваться в дела своей семьи, но его тетки были слишком свободны и при первой возможности бежали домой, а бабушка громко кричала:

— Что толку от сыновей, все ушло к невесткам, а мои дочери такие заботливые, каждый раз приносят мне столько хорошего!

Лян Цзинь прошел мимо них, вышел собирать бобы, но в душе думал, что бабушка, наверное, больше не сможет хвастаться, если узнает, что ее любимый зять такой человек.

Все еще прошу добавлять в закладки, чмок.

На самом деле в этой главе есть поворотный момент.

<http://bllate.org/book/16631/1523327>